Олег КАРПОВИЧ, Лидия КУЛЯБИНА

Популизм по-североамерикански: взгляд российских американистов

Олег Карпович

Директор Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России, профессор, доктор юридических наук, доктор политических наук

iamp@dipacademy.ru

Лидия Кулябина

Доцент кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, кандидат политических наук

iamp@dipacademy.ru

*Феномен Трампа: монография / Под ред. А.В.Кузнецова. М.: ИНИОН, 2020. 642 с.

Ключевые слова: *популизм, трампизм, монография «Феномен Трампа».*

Едва оправившись от шока, вызванного избранием 45-м Президентом США недемократического кандидата, российская научная общественность, в среде которой ставку на победу Трампа делали только откровенные «оптимисты» от науки, активно приступила к поиску причин и объяснений произошедшего. За период пребывания Дональда Трампа в Белом доме на русском языке вышло рекордное число материалов научного и научно-популярного характера. Однако большинство работ носило узкоспециализированный характер, касалось отдельных сфер американской жизни, внутренней и внешней политики либо представляло собой главы по США в исследованиях без региональной фокусировки.

Коллективная монография Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук «Феномен Трампа» подводит своеобразную черту под мультидисциплинарным научным поиском последних лет.

Комментируя выход издания в свет (фактически за полтора месяца до завершения очередного электорального цикла в США - выборов президента), руководитель авторского коллектива член-корреспондент РАН, директор ИНИОН РАН А.В.Кузнецов обозначил проблематику работы как анализ явления американской истории, олицетворяющего новый популизм [7].

Действительно, в монографии в качестве феномена фигурирует не только Трамп. Популизм в его новой ипостаси - трампизм - находится в центре внимания каждой из 37 глав монографии, объединенных в семь частей. Авторами и соавторами глав стали 37 наиболее известных отечественных ученых-американистов, представляющих не только ИНИОН РАН (хотя практически две трети объема коллективной монографии написано именно его представителями - 23 автора), но и Институт США и Канады РАН (главы об экономической и социальной политике Трампа, влиянии его личности на поляризацию общества и импичменте), ИМЭМО РАН (об американском измерении популизма, научно-технической политике, политике США в Индо-Тихоокеанском регионе и на Ближнем Востоке), а также МГУ (о киберполитике, контроле над вооружениями и «философии» Трампа), НИУ ВШЭ (глава о корреляции экономической динамики и электоральных циклов), Институт Европы РАН и Институт Латинской Америки РАН. Уже по разноплановости упомянутых тем начинает вырисовываться масштаб проекта, в котором оказались задействованными эксперты всего спек-

тра социогуманитарного знания - от политологов, экономистов, юристов до культурологов, лингвистов и литературоведов.

Такой размах отчасти объясняется и тем, что рецензируемая коллективная монография - часть масштабного исследовательского проекта ИНИОН «Новый популизм». Отечественные обществоведы, пристально изучавшие явление популизма еще с конца 1980-х годов, традиционно выделяли две его основные разновидности - правый и левый. Но в XXI веке популизм приобретает все более специфические черты, далекие от того, что раннее принято было называть «популизмом».

Работа над монографией, центральной фигурой которой после горячих обсуждений стал 45-й Президент США, продолжалась немногим более года. Попутно в конце 2019 года вышел традиционный для ИНИОН РАН продукт - библиографический указатель «Новый популизм: глобальный социально-политический тренд».

Нынешнее издание получило довольно броское название, не сопровождающееся при этом подзаголовком, что характерно для фундаментальных научных трудов. Однако не следует забывать, что ИНИОН - не только научный центр, но и библиотека и издательство. Так что выход монографии решает не только содержательные задачи по выводу научной дискуссии на новый уровень, но подчинен и вполне утилитарной функции: авторы хотели протестировать, насколько широким кругом читателей будет востребован объемный фолиант, сфокусированный на яркой и популярной личности [4].

В монографии содержатся многочисленные отсылки к докладам ведущих американских фабрик мысли - Института Брукингса, Института мировой экономики Петерсона (PIIE), Института Гэллапа (Gallup), Исследовательского центра Пью (Pew Research Centre), Института экономической политики (EPI) и т. д. Текст снабжен подробными таблицами и графиками из источников самого широкого спектра - от UNCTAD до ежегодников SIPRI.

Кроме стратегических документов, анализ которых неизбежен для столь солидного сборника (Стратегия национальной безопасности США 2017 г., America First Foreign Policy (с. 413), Стратегия американского лидерства в области передового производства 2018 г. (с. 284), Киберстратегия 2017 г. (с. 448), Обзор ядерной политики 2018 г. и т. д.), монография содержит сноски на важнейшие «тактические» документы трамповской четырехлетки (Экономический доклад президента от февраля 2020 г., резолюции Конгресса по импичменту (с. 182), санкционные списки (с. 401) и т. д.), а также многочисленные отсылки к материалам статистических бюро (доклады бюро трудовой статистики, экономического анализа и пр.).

Главы «Феномена Трампа» методологически многообразны. Одни построены на принципах сравнительной политологии для сопоставления североамериканского и европейского праворадикального популизма (глава 2.4). Другие используют методологию математического моделирования для оценки уровня электорального размежевания в ходе президентской кампании 2016 года (глава 1.3), принципы политической социологии при анализе массовых опросов (глава 1.5), многомерный статистический анализ для демонстрации потери лидерства в процессах экономической глобализации (глава 1.1.) и установления характера взаимосвязи между экономической динамикой и электоральными процессами (глава 3.4), дискурс-анализ для создания речевого портрета 45-го Президента США (глава 4.3) и даже литературно-художественный анализ, позволяющий обнаружить прообразы Дональда Трампа в произведениях американских писателей XX-XXI веков (глава 4.1). Кроме того, издание содержит солидный обзор теоретической литературы по проблематике «нового популизма» (глава 2.3), а также демонстрирует пример применения историко-эволюционного подхода к изучению популизма (глава 2.2).

Энциклопедическая по своей сути - за счет солидной источниковой базы, опоры на статистику и заслуживающий доверия ссылочный аппарат - монография станет серьезным подспорьем и с точки зрения преподавания очень широкого спектра дисциплин, начиная от международных отношений, регионоведения и мировой экономики до специальностей, связанных с социологией, культурологией, филологией, дискурсной лингвистикой, языкознанием, литературоведением и политической философией.

Олег КАРПОВИЧ, Лидия КУЛЯБИНА

Трампизм без Трампа: популизм спешит на помощь

Удивительным на первый взгляд кажется тезис, пронизывающий большинство глав монографии: трампизм далеко не всегда связан с личностью Трампа, он может рассматриваться и без привязки к его персоне.

У экспертов нет сомнений в том, что Трамп - популист. Основные черты его политического кредо - пренебрежение к устоявшимся структурам и практикам, обращение к публике напрямую, поверх политических институтов на языке эмоций и упрощений, использование противопоставлений «мы» - «они», образа врага (истеблишмент, «воротилы с Уолл-стрит», другие государства и т. д.) - вполне соответствуют имеющимся в науке представлениям о популизме, очередная волна которого поднялась после глобального финансово-экономического кризиса 2008 года и фактически накрыла весь мир. Механизм, запускающий популистские волны, принято считать «очищающим» от накопившихся в системе дисфункций, приводящих к кризисным состояниям. Чем больше дисфункций, тем радикальней и драматичней популистские лозунги и тем экстравагантней поведение ключевых популистов.

Однако в науке есть разногласия по поводу того, как проводить водоразделы между различными группами в рамках популистских движений: одни эксперты настаивают на укоренившемся делении популистов на правых и левых; другие - указывая на последствия повсеместной конвергенции идейных установок, считают целесообразным отмежевать старых популистов от новых.

В монографии Трамп вписан в ряд таких представителей популизма, как демократ Уильям Брайан, благодаря которому в конце XIX века популизм в США заявил о себе как о независимой силе; застреленный в 1935 году демократ Хьюи Пирс Лонг, критиковавший «новый курс» Рузвельта, перенявшего в итоге часть популистской риторики Лонга; четырежды баллотировавшийся на пост президента («самый влиятельный проигравший») демократ Джордж Уоллес, бывший апологетом расовой сегрегации; и наконец, считающийся учителем и наставником Трампа республиканец миллиардер Росс Перо - самый успешный из независимых кандидатов на пост президента США.

Партия реформ Патрика Бьюкенена (с 1992 г.), Движение чаепития (с 2009 г.), «Захвати Уолл-стрит» (с 2011 г.) - все они, по сути, подготовили победу первого американского популиста, выигравшего схватку за Белый дом.

Идеологическая платформа трампизма в монографии представлена как равнодействующая неоконсерватизма, либертарианства, палеоконсерватизма, «альтернативных правых», экономического национализма и постлиберализма. Именно в таком порядке кандидат философских наук Б.В.Межуев (МГУ) перечисляет повлиявшие на представления и мотивы 45-го Президента США концепты, исходя из их весомости.

От неоконов Трамп окончательно отмежевался, скандально отправив в отставку Джона Болтона в сентябре 2019 года. Из либертарианцев, рассвет влияния которых пришелся на эпоху Обамы, Трамп контактировал только с Рэндаллом Полом по вопросам ближневосточной политики. Из палеоконсерваторов единственным представителем в администрации Трампа мог стать лишь Такер Карлсон до тех пор, пока он не осудил устранение главы Корпуса стражей исламской революции Касема Сулеймани. От абсолютно неполиткорректных и активных «крайне правых» Дональду Трампу удалось откреститься в течение 2017-2018 годов.

По мнению Б.Межуева, самыми близкими к аутентичной философии Трампа являются относительно новые и в целом маргинальные течения - названный руководителем первой предвыборной кампании Трампа и его советником Стивеном Бэнноном «экономический национализм» и постлиберализм, исповедуемый некоторыми интеллектуалами-консерваторами. Трампизм в его базовых параметрах более созвучен с экономическим национализмом.

Кейс Трампа демонстрирует невозможность традиционного деления популизма на левый и правый, хотя авторы монографии осмотрительно воздерживаются от однозначных выводов по этому поводу. Праворадикальная повестка, конечно, превалирует

в риторике Трампа, но его опора на red necks - белых обедневших работяг - имеет четко выраженный леворадикальный оттенок. К тому же Трамп стал рекордсменом среди республиканцев по количеству собранных голосов испаноязычного и афроамериканского электората.

Кроме того, «новый популизм» обусловлен невиданной ранее индивидуальной эмансипацией (с. 111), которая проявляется в снятии границ и запретов как на доступ к ресурсам, так и на восприятии себя каждым в качестве самосконструированной, а следовательно, никак не связанной с обществом и его установлениями модели. Об этом же писал и Фарид Закария, очерчивая индивидуальное измерение «подъема остальных» начала XXI века [5], фактически в этой плоскости аналогичное «восстанию масс» начала XX века Ортеги-и-Гассета.

«Угонщик» системообразующей партии, инициатор «имперского президентства» (с. 169-170), Трамп гротескно реализовал все опасности президентства, описанные еще Хуаном Линцем [6]: способствовал предельной поляризации общества, доведя его до раскола, за которым экспертами просматривается вариант недемократического развития США. Таким образом, популизм, родиной которого являются США, в ситуации быстрого слома социальных и расово-этнических структур снова приходит на помощь, но под влиянием современности почти до неузнаваемости меняется сам и не оставляет шансов для политической системы вернуться в исходное или динамическое равновесие.

Внешняя политика: снижение роли не означает снижения активности

Первые пять разделов монографии сформированы по проблемному принципу. Именно в характере их построения - уникальность сборника. Отталкиваясь в первом же разделе от глобальных, личностных и социальных обстоятельств и результатов выборов 2016 года, во второй части авторы теоретизируют по поводу популизма (его истории, интерпретаций и разновидностей) и воплощения его идей в трампизме. Третий и четвертый разделы посвящены внутренней социально-экономической политике Трампа и культурно-языковому контексту американской реальности соответственно.

Пятый блок монографии посвящен сюжетам «расчистки» международного поля. Так, санкционная политика рассмотрена как механизм формирования нового экономического порядка (глава 5.1), курс на элиминацию или самоустранение от участия в многосторонних форматах, на «поведение на грани» сложившихся в МО практик и норм международного права (фактическая их замена «порядком, основанным на правилах» - rule based order) интерпретируется как недальновидность (глава 5.2).

Два последних раздела подробно раскрывают основные направления внешней политики администрации Трампа: от трансатлантических отношений и взаимодействия с ведущими странами ЕС (Германией, Францией, Италией - каждой посвящена отдельная глава) и покинувшей Союз Великобританией до политики в отношении государств Ближнего Востока и Латинской Америки.

Особняком стоят три главы, открывающие седьмой раздел монографии, за авторством заместителя директора ИНИОН РАН доктора политических наук Д.В.Ефременко, в которых речь идет не только о перипетиях двусторонних отношений США с Китаем и Россией, но и о «балансах» (а точнее - дисбалансах) в рамках «треугольника». При этом РФ помещается в этой конструкции на последнее место. Примечательно, что и при описании двусторонних контактов автор также использует не принятую в отечественной научной литературе расстановку «американо-российские», а не «российско-американские» отношения.

По мнению автора, «треугольник» США - Китай - Россия становится все более неравнобедренным. Каждая из сторон может создавать для двух оставшихся ситуацию стратегической неопределенности. Неблагоприятность такой конфигурации для Вашингтона состоит в том, что фактор давления и на Россию, и на Китай стал фактором укрепления российско-китайских контактов, несмотря на их противоречивую подоплеку.

За время президентства Трампа в российской науке и практике укрепилась интерпретация развития

международной ситуации в духе «новой биполярности» («биполярность, отягощенная многополярностью»), вытекающей из заката гегемонии США и основанной на попытках разрыва экономических связей симбиотического характера, которые называют «химерикой» (китайцы производят и дают в долг, американцы в долг берут и потребляют). Отмечается также, что нынешняя биполярность мало политизирована (политизирует ее США, а Китай пока успешно уклоняется), но именно она будет главной структурирующей составляющей в обозримой перспективе. Для России свобода маневра может быть расширена, но не в среднесрочной перспективе: пока все факторы российско-американского противостояния остаются на месте. Задача российской дипломатии в этих условиях - сохранение автономии и дистанции не столько в вопросах контроля над любыми типами вооружений, сколько в вопросах технологической зависимости и встраивания в китайские цепочки добавленной стоимости.

Политический портрет: Трамп как персонаж на культурно-философском фоне эпохи

Если какие-то части столь увесистого фолианта и привлекут внимание широкой читательской аудитории, все активней утрачивающей навык освоения многобуквенных текстов, то это будут, несомненно, главы монографии, в которых речь идет об особенностях политической коммуникации Д.Трампа, «фейковых новостях» и о «the Donald» - сюжетах, в которых «Дональд Тролль», он же «Доллар Трамп» (в параллели с гоголевским носом: перевоплотившийся в человека доллар), управляет США как «Трамполэндом».

Автор главы монографии, определяющей 45-го Президента США как персонажа, доктор филологических наук Т.Н.Красавченко отмечает, что Трампа предсказал Дэвид Фостер Уоллес в романе «Бесконечная шутка» в 1996 году, он же - персонаж прозы Э.Шаффера.

С приходом Трампа политика окончательно превращается в развлечение, лишенное этического начала, ведь жители США «панически боятся скуки и «наркотически» зависимы от развлечений» (с. 312). Трамп «заполонил США собой и своим брендом» - ставил свое имя на всем, что создавал. В течение десяти лет был завсегдатаем реалити-шоу. Автор 19 книг о рецептах успеха в бизнесе - «своего рода селфи» (с. 330), он снялся в 19 сериалах, где играл самого себя. Трамп стал продюсером и ведущим семи сезонов шоу «Кандидат», представлявшего собой смесь телеигры и ситкома с документалистикой. Победителю Трамп давал возможность выбрать управленческую позицию в своей империи, а проигравший в золотом лифте отправлялся вниз. Не вполне ясно, насколько четко осознают черту между «залом заседаний» реалити-шоу и Овальным кабинетом как телезрители, так и сам Трамп, но авторы монографии утверждают, что сам 45-й Президент США вполне осознанно прибегает к этой аналогии (с. 335).

Отдельно Т.Н.Красавченко останавливается на описании шоу «Рестлмания», когда в итоге по условиям пари Трамп побрил наголо в схватке полулежа проигравшего ему миллиардера Винса Макмэна. Трампа высмеивают в мультсериалах («Симпсоны», «Южный парк»), хип-хоповских песнях и комиксах (Гарри Трюдо в «Дунсбери», десятистраничный комико-эротический роман «Искушение Трампа: миллиардер и посыльный из Мичигана»), в том числе и вышедших уже после победы на выборах (сериалы «Президентское шоу» 2017 г., «Наш мультяшный президент» 2018 г.).

В итоге автор главы «Трамп как персонаж в интерьере американской культуры» задается вопросом об «антропологическом сдвиге», связанном с утратой американской публикой осязаемой границы между политической реальностью и отдающей злорадствующим безумием сериальностью.

Представляется уместным рассмотреть эти сюжеты с учетом «постмодернистской чувствительности», предполагающей низвергание всяческих границ, текучесть расплавленной реальности, когда традиционно политическое уходит из сферы политики в спорт, искусство, науку и т. д., а образовавшиеся лакуны по-броуновски хаотично заполняются рандомно перемешанными потоками из религиозной, образовательной, развлекательной и прочих сфер. Тогда

гипотеза об «антропологическом сдвиге» получает дополнительное обоснование. Бизнес, шоу, политика, как не имеющие ни границ, ни автора (знаменитый «принцип мертвой руки»), переплетаются в сознании публики и действующих лиц; само деление на публику и актора становится бессмыслицей, как и ограничения в выборе средств ведения бизнеса, шоу или политических дебатов.

В таком случае мы имеем дело не с национальной культурной спецификой, а с общечеловеческим явлением, которое в США, в силу их первенства во входе в глобальные процессы, проявляется раньше, чем в иных местах, и имеет более гротескные формы. Начавшийся, по мнению некоторых философов, в нулевых годах метамодерн [1] в преодолении этого ускоряющегося синкретизма пока не особо помогает.

Следует все же иметь в виду, что 45-й Президент США - продукт эпохи и социума, однако временно́е масштабирование в 40-50-летнем диапазоне укрупняет саму фигуру Дональда Трампа.

Жжет односложным глаголом

Фигура Дональда Трампа рассмотрена в монографии и с помощью методологии микроуровня - через создание индивидуального речевого портрета. В лингвистике популизм - это стиль риторики с ориентиром на широкие массы неудовлетворенных положением дел людей, с обещаниями, не подкрепленными ресурсами, с игрой на доверии людей. И в этом Трамп превосходит всех когда-либо известных популистов.

Выявленный рейтинг наиболее употребимых слов не стал сенсацией. Как и следовало ожидать, любимое местоимение предвыборных речей - «я», далее - «мне», «он», «они», в то время как «мы» встречается гораздо реже. Среди слов-фаворитов также «деньги», «очень», «сказал», «великий» и, конечно, - о себе в третьем лице - «Трамп». Вместо «правительства» Д.Трамп использует более универсальное понятие «администрация», вместо «policy» - «politics», подчеркивая практическую ориентированность. Кроме того, в этой части монографии содержатся растиражированные сравнения речи Трампа с языком учеников четвертого класса, с диалогами Марка Твена из «Гекльберри Финна» и т. д.

Общим местом для политтехнологов стало утверждение о том, что Д.Трамп весьма неуклюж в использовании метафор. Так, в монографии приведены часто цитируемые изречения про «встряхивание ржавчины» с американской внешней политики (с. 371), про насилие со стороны Китая, про карты на руках (с. 372) и др. Однако буквально через пару страниц утверждается, что речь Трампа изобилует тропами (с. 377), к коим, кроме сравнений и эпитетов, относятся и метафоры.

Возможно, это дело вкуса, и метафоры Трампа нередко резковаты, как и он сам, но следует признать, что в большинстве случаев они точны. Взять хотя бы «there is no blood in the sand» («в песке больше нет крови») из речи, произнесенной в дистанционном формате с высокой трибуны ООН в сентябре 2020 года [8]. Мощь этой метафоры даже не в том, что она призвана повысить статус инициативы администрации Трампа пока с неясной перспективой (соглашения 2020 г. между Израилем, ОАЭ и Бахрейном), а в том, что она отражает чаяния многих поколений о мире на Ближнем Востоке, которому в той же речи обещана «новая заря».

Конечно, выделение коммуникативных микроролей и тематико-идеологических тенденций в проанализированной инаугурационной речи Трампа заслуживает внимания, но, кроме того, и более корректной интерпретации, вписанной в общую канву анонсируемой и проводимой политики. Так, лозунг «America First» маркирован в представленном исследовании как внешнеполитическая тенденция и переведен на русский язык как «С этого момента Америка всегда будет Первой» (From this moment on, it's going to be America First) (с. 375).

Такая интерпретация в корне ошибочна, поскольку может быть использована как констатация глобального лидерства США, в то время как лозунг, ставший основой линии Трампа, нагружен иным смыслом - призывом отложить прочее, выдвинуть страну в приоритет в списке усилий и интересов, возвыситься над узкокорпоративным и уйти от примата глобального, что в переводе на русский выглядит как «Америка прежде всего».

Этот базовый посыл прекрасно расшифрован в уже упомянутой семиминутной речи Д.Трампа на

Генассамблее ООН в 2020 году: «Заботясь о своих гражданах, следует искать реальный базис для кооперации. Я горжусь тем, что ставлю Америку на первое место, точно так же, как и вы должны ставить свои страны на первое место. И это нормально. И это то, что всем следует делать» [8].

В этой фразе много интересного с точки зрения дискурс-анализа: и менторский тон, и то, почему прославление национального эгоизма ведется с трибуны универсальной международной организации, и выбивающееся из деловой стилистики просторечие «that's ok», демонстрирующее в том числе и то, что таргет-группой речи является не мировая общественность, а домашний электорат.

Но самое главное - «реальный базис для кооперации»: эта фраза коррелирует со знаковым для президентства Трампа термином «strength», который в отечественной литературе часто переводят как «сила», но точнее его смысловую нагрузку передают существительные типа «мощь», «потенциал», «укрепление». И тогда, к примеру, третий столп в Стратегии национальной безопасности 2017 года «Peace through strength» [9] - не «мир посредством силы» (или вообще «через силу», что в русском языке означает «усилия по самосдерживанию», «заставить себя, чтобы не сорваться»), а «мирное существование, гарантированное укрепленной интегральной мощью». Тогда и оснований называть стратегические документы администрации Трампа носящими «агрессивный характер» [2] будет меньше. По-видимому, для российско-американских отношений - это единственный просматриваемый выход из капкана «симметричной паранойи» [3].

Но вернемся к речевому портрету Трампа. Да, Трамп «мельчит» по абзацам, по длине слов (основу речи составляют слова из одного-двух слогов), перебарщивает с превосходными формами прилагательных (излюбленное «the best»), среди эпитетов нещадно эксплуатирует пару «smart-stupid». Но именно эти характеристики делают его автором метких, остроумных и моментально разлетающихся по свету твитов. Конечно, речевой портрет без дискурс-анализа этой части языковой личности Трампа нельзя признать полным. Вот где парцелляции, параллелизмы, антитезы, инверсии и умолчания! Кроме того, судя по молниеносности появления комментариев, индивидуальное авторство твитов вызывает больше доверия с точки зрения исследовательской достоверности, чем проанализированная в представленном исследовании инаугурационная речь, к созданию и преподнесению которой приложила руку целая армия специалистов.

Однако вывод авторов относительно «дискурсивной эксцентрики» Трампа, в технологизации которой ему удалось уйти в серьезный отрыв не только от демократов (с. 398-399), но и от любой политически активной речевой единицы современности, следует признать справедливым. Более того, нет сомнений (хотя авторы их и высказывают), что этот отрыв Трампу удастся сохранить: хлесткая, убористая, а потому высокоскоростная риторика, помноженная на технологические возможности «новых медиа» является не столько частью проекта «Трамп-президент», сколько неотъемлемой составляющей личности, для которой политическая ипостась - лишь одно из возможных проявлений.

Открытый финал

Палитра, в создании которой участвовали почти четыре десятка представителей российской американистики, выглядит весьма многозначной и противоречивой с точки зрения перспектив - как и сама «натура», с которой мозаичное полотно монографии и создавалось.

Впечатляющие экономические успехи докоронавирусного периода, пробудившие энтузиазм социальных ожиданий, постоянно соседствовали с ощущением непрекращающейся склоки в верхах. В ходе презентации книги профессор П.П.Яковлев, ведущий эксперт в области ибирийских исследований, процитировал публикацию печатного органа крупного латиноамериканского бизнеса, где правление Трампа оценивалось как «самое злополучное и хаотичное президентское правление в американской истории» [4]. И Латинская Америка, и Европа, и тихоокеанские партнеры США надеются на Байдена - на возвращение к «нормальной внешней политике». Однако глубина укоренения трампизма, популист-

ского по своей сути, и те во многом необратимые изменения, которые за прошедшие четыре года шокирующим образом трансформировали не столько реальность в США и за ее пределами, сколько наше представление о ней, позволяют сделать вывод о том, что, как бы не сложилась дальнейшая политическая судьба самого Дональда Трампа, уже предпринятые им меры (как их стилистика, так и их содержание) будут иметь далекоидущие последствия.

Авторы «Феномена Трампа» намеренно подводят черту под четырехлетием пребывания Трампа в Белом доме, резюмируя, что за это время «Соединенные Штаты стали другой страной» (с. 625). Руководитель авторского коллектива в заключение приходит к выводу о том, что в ситуации, когда демократы в своей повестке далеки от понимания долгосрочной перспективы, у преобразований, начатых Д.Трампом, «просто нет жизнеспособной альтернативы» (с. 626). Очевидно также, что и сам Дональд Трамп не предложил сколько-нибудь консолидированную модель развития (за его спиной пока в основном - разрушенные стабилизаторы), но ожидать стремительного угасания трампизма не приходится - и это обстоятельство не зависит от исхода президентской гонки 2020 года.

Источники и литература

1. *Аккер, Робин ван ден.* Метамодернизм: историчность, аффект и глубина после постмодернизма. М.: РИПОЛ классик, 2020.

2. *Бартош А.А.* «Большая игра» на берегах Атлантики // https://nvo.ng.ru/realty/2019-01-31/1_1032_nato.html

3. *Безруков А.О., Сушенцов А.А.* Феномен Д.Трампа и сценарии развития российско-американских отношений // Сравнительная политика. 2018. №1. С. 109-123.

4. Видеопрезентация коллективной монографии «Феномен Трампа». 24 сентября 2020 // https://www.facebook.com/mints.michael/videos/3148643135203899

5. *Закария Ф.* Постамериканский мир будущего // https://rbook.me/book/12948642/read/

6. *Линц Х.Дж.* Опасности президентства // Пределы власти. 1994. №2/3. С. 3-24.

7. Трамп как явление американской политики // Россия сегодня. Онлайн-конференция. 7 октября 2020 // http://pressmia.ru/pressclub/20201007/952924100.html?fbclid=IwAR2iss35cUI8gP2paO2nyHCBTz0aNmJ_IV00VYHwFvBCvNrXcDLTOhzFa1Q

8. Donald Trump Speech 2020 UN General Assembly Transcript. Sep. 22, 2020 // https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-speech-2020-un-general-assembly-transcript (дата обращения: 23.09.2020).

9. National Security Strategy of the United States of America. December 2017 // https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf